

Михаил Серёгин

Крестом и стволом

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Серёгин, М.

С32 Крестом и стволом / М. Серёгин. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 462 с. – (Увлекательное чтение).

ISBN 978-5-517-00406-2

Спецназовцы бывшими не бывают. Это утверждение священник Василий подтвердил на своем опыте, когда ему пришлось противостоять бандитам, коррумпированным силовикам и чекистам.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00406-2

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

Когда слух о смерти Парфена еще только пошел гулять по Усть-Кудеяру, никто в него особенно не поверил. Нет, передавали это странное и вроде бы как отрадное известие охотно: в очередях у билетных касс автовокзала, в пивных и парикмахерских, в здании райсовета и на причале — везде говорили об одном и том же. И все-таки внутри у всех свербил: не может такого быть... Больше десяти лет Парфен вместе со своими головорезами «держал» и рынок, и автобазу, и, как поговаривали, даже часть пароходства. А в том, что половина ментовки день и ночь пашет не на закон, а на все того же Парфена, никто, в общем, не сомневался.

Поначалу в народе говорили, что на Парфена устроили засаду бойцы из подмосковной группировки, когда тот парился в бане. Они якобы и убили местного бандита, причем изрешетили в дуршлаг, хоть лапшу отбрасывай. Но всякий мало-мальски сведущий в таких делах человек сразу мог уверенно сказать: все это ложь, не было никогда у Парфена проблем с москвичами, дела общие были, а проблем — нет, и жили они дружно, можно сказать, душа в душу.

Позже родился слухок о странной погоне на тольяттинской трассе, но сказать, что там произошло, в точности никто не брался... вроде как Парфен погнался за кем-то из самых злостных неплательщиков. Но и это была полная галиматья. Предположить, что Парфен станет лично мчаться за кем-то по скользкой от проливного дождя ночной дороге, мог только полный недоумок. Хотя... разве что из спортивного интереса? Любовь Парфена к острым ощущениям была общеизвестна.

И только на третий день брожение умов отважно перенаправил «Вестник Усть-Кудеяра», разместивший короткое интервью начальника местного ГИБДД. Ираклий Константинович официально опроверг всякие слухи о стрельбе и сообщил, что дорожно-транспортное происшествие, в результате которого скончался известный усть-кудеярский предприниматель Александр Иванович Парфенов, произошло по вине погибшего в той же аварии водителя бензовоза АТП-2, воспрепятствовавшего обгону.

Но и эта версия, положила руку на сердце, была далеко не безупречна. Всякий интересующийся общественной жизнью устькудеярец скажет вам, что АТП-2 принадлежит, а точнее, принадлежало Парфену, царствие ему небесное. И предположить, что водитель не уступил дорогу огромному, как танк, известному на всю область джипу своего хозяина... Не бывает такого.

И уж совсем в узком кругу знали, что в той страшной аварии погибли не только Парфен, его бессменный телохранитель по кличке Лысый и водитель бензовоза.

Потому что четвертое тело сразу увезли в областной центр, а оттуда самолетом в Москву. Но это устькудеярцев уже ни в малой степени не касалось.

Как раз на третий день после этого трагического происшествия, сразу после утренней службы, к устькудеярскому священнику отцу Василию подошли трое. Непростая биография парней была впечатана в их лица крупными, резкими штрихами.

— Ты, что ли, здешний поп будешь? — спросил один, помеченный рваным косым шрамом через правый глаз.

— Слушаю вас, молодые люди, — кивнул отец Василий, быстро оглядев «гостей».

— Вот тебе, отец, бабки, — полез в карман меченый. — Нам сегодня друга отпеть надо.

Отец Василий кивнул. Надо так надо.

— Только смотри, чтоб все было тики-так, — угрюмо предупредил меченый и вложил священнику в руку пачку новеньких сотенных купюр. — Большого человека хороним. Въезжаешь?

— Никак раба божьего Александра? — подчеркнуто вежливо поинтересовался отец Василий.

— Ты за базаром следи, поп! — повысил тон меченый. — Какой он тебе раб?! Самого Парфена хороним, дурилка ты картонная! Короче, в три начинаем, чтобы в два был. Вот тебе адрес. Понял?

Отец Василий с трудом подавил в себе гнев. Такого хамства в храме божьем даже покойный Парфен себе не позволял.

— А теперь ты послушай меня, дитя мое, — тихо произнес он. — Адрес Александра Ивановича мне известен, так что писульку свою забери. Отпевание начнется ровно в пять и ни минутой раньше. И деньгами своими здесь не трясись, а отнеси в бухгалтерию, там тебе квитанцию выпишут. Ты меня понял?

Меченый заиграл желваками, он к такому обращению явно не привык. Вперился тяжелым, немигающим взглядом в ясные, спокойные глаза попа, долго, секунд пятнадцать смотрел в них и неожиданно для себя кивнул.

— Где ваша бухгалтерия? — только и спросил он.

Отец Василий объяснил, проводил гостей взглядом и вздохнул. Двое суток подряд ему лично пришлось час за часом объяснять следователям, сначала местным, а затем и москвичам, как все произошло. Так получилось, что живых свидетелей той страшной трагедии на тольяттинской трассе осталось всего двое: он да водитель приватизированного шесть лет назад «зилка» Анатолий Рубцов.

Но, по сравнению с самим фактом гибели Парфена, ничто не имело почти никакого значения: ни причина смерти, какой бы глупой она ни была, ни показания свидетелей. В прошлое одним огромным куском отвалилась и ушла целая эпоха — эпоха. «Король умер!» — голосом главного местного печатного органа провозгласили уполномоченные на это официальные лица, и сразу же стало ясно, что обратиться приветственное «Да здравствует король!» просто не к кому, потому что всех потенциальных преемников Парфен извел еще при жизни, можно сказать, собственноручно.

Отец Василий вышел из храма и глянул в небо. Дождь прекратился, но установившаяся несколько дней назад холодная, мерзкая и совсем не августовская погода так и донимала окончательно продрогших устькудеярцев. Из подсобки, в которой размещалась храмовая бухгалтерия, вышла троица недавних «гостей». Один искоса глянул в сторону священника, и все трое направились в центральные ворота, за которыми их ждали две сверкающие черной эмалью и серебристым никелем машины: классический «шестисотый» и, кажется, «Рэйнджер».

«И эти не местные, — цокнул языком священник. — Понавалило вас!» Вот уже третий день, как Усть-Кудеяр переживал наплыв чужаков, и чем дальше, тем их становилось больше. Откуда они узнавали о гибели Парфена? Порой отцу Василию казалось, что вся криминальная Россия собралась почтить память до срока умершего местного мафиози. По крайней мере, обряд отпевания ему заказали уже в шестой раз.

Сначала священник пытался честно объяснить настырным парням, что все давно и многократно оплачено, и отпевание состоится, как и договорено, ровно в пять. Но заказчики все шли и шли, платили и платили, а всякую попытку не принять деньги воспринимали как личное оскорбление. Эти, последние, и вовсе решили, что они здесь самые главные... чуть до греха, засранцы, не довели! Отец Василий перекрестился. Больше всего на свете священник хотел, чтобы Парфена поскорее предали земле и этот бесконечный и суматошный день наконец завершился. Вместе со своим дождем, холодом, похоронами и всей этой расфуфыренной

братвой! Он так хотел поскорее попасть в свой, пусть и недостроенный, но уже такой уютный дом, в царство любви и тепла, где правит милая супруга Олюшка и пахнет свежеструганными сосновыми досками, молоком и сдобой.

Без пяти минут пять отец Василий вместе с диаконом Алексием уже подъезжали к дому Александра Ивановича Парфенова. Бело-розовый трехэтажный особняк с башнями, колоннами и, само собой, с видом на Волгу почему-то сиял электричеством, сквер напротив был превращен в стоянку для «Мерседесов», а к парадной лестнице, казалось, невозможно пробиться сквозь строй плечистых и скуластых парней в черном.

«Обслуга, — догадался священник. — Главные персоны внутри, у гроба...» Он решительно протолкался сквозь братву и вошел в дом.

Огромный зал с шестиметровой высоты потолками и узорным паркетным полом был заполнен почти весь. Мужчины в дорогих черных костюмах с достоинством подходили к черному полированному гробу и затем так же неторопливо отходили, уступая место следующим. Отец Василий всмотрелся и почти сразу обнаружил единственных женщин во всем зале: сестру и мать Парфена, выглядевших среди этой роскоши чужеродно и даже нелепо. Глаза женщин были сухи, а в лицах отчетливо читалась странная смесь испуга и недоумения, словно лежащее перед ними тело никогда не принадлежало самому близкому для них человеку.

Когда отец Василий понял, что собственной воли ближайших родственников не хватает даже на то, чтобы подойти к батюшке, он решительно раздвинул широкими плечами стоящую ближе остальных к гробу элиту, кивнул диакону и взял инициативу в свои руки.

И по мере того как читались каноны и стихиры, Апостол и Евангелие, люди в зале притихали. Наступало главное событие дня. Неизвестно, знали они это или нет, понимали или не до конца, но еще не минет и суток, как раб божий Александр вступит на тяжкую для каждой души дорогу загробных мытарств, и тогда ни одно злодеяние не останется незамеченным, ни одна молитва во спасение — лишней.

Едва отец Василий завершил чтение разрешительной молитвы, подкованная в деле отпевания своих соратников братва подтянулась поближе, подхватила гроб и под пение трисвятого понесла его к выходу.

— Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас! — внушительным баритоном пропел священник, и упакованные по последнему писку мужики истово закрестились. «Проняло! — неожиданно мелькнула у отца Василия неуместная в такой ситуации, насквозь крамольная мысль. — Чуют свою грядущую участь!»

А в тот самый момент, когда они пересекли порог, солнце внезапно пробило тучи и осветило маленький кусочек поволжской земли со странным названием Усть-Кудеяр. И это было только начало. Как только огромный кортеж, тревожно сигналивая, въехал в поселок и двинулся через центр на кладбище, природа словно

сошла с ума. Стремительно полетели по небу тучи, за-
сверкала тысячами солнечных брызг волжская вода,
а небо в считанные минуты из блеклого и сырого ста-
ло ярким и невероятно, пронзительно синим. И сразу
же зазеленела листва, сквозь приоткрытое боковое
стекло старенького поповского «жигуленка» ударило
в ноздри ароматом травы и цветов, а ветер принес
какую-то новую, уже осеннюю свежесть. И притих-
ший было Усть-Кудеяр словно встрепенулся, словно
очнулся от противоестественной скорби. Радостно,
истощными голосами заорали на деревьях галки, за-
скрипели по дворам выкрашенные в пожарный цвет
качели, а на пятом или шестом по счету наглухо пере-
крытом гаишниками по случаю похорон перекрестке
какой-то битый-перебитый «Запорожец», нагло вы-
крашенный явно украденной где-то дорогой серебри-
стой краской, присоединил свой плебейский голос
к скорбному реву джипов и «Мерседесов», и над ули-
цами пронесся жизнеутверждающий латиноамери-
канский мотивчик:

«Я Кукарач-ча, я Кукарач-ча! А я ч-черный таракан!»

От неожиданности отец Василий чуть не врезался
в резко затормозивший перед ним микроавтобус, но,
видно, там, впереди, все-таки решили, что в этот день
никого «мочить» не станут, и приостановившаяся на не-
сколько секунд колонна снова тронулась и пошла, ма-
шина за машиной.

Но самое яркое впечатление оставили у священника
последние минуты похорон. Потому что, когда послед-
няя лопата земли была брошена на могильный холм,
на кладбище налетела огромная разбойная стая воро-